

В этой иллюстрации к догмату об абсолютном всемогуществе слова божия («сказал — и стало») предлагается дальнейшая детализация метафоры: вместо слов являются компоненты их — письмена. Это очень важно, поскольку дает основание свести бесконечное разнообразие мира к обозримому числу элементов — алфавиту, приравнять «письмено», букву — явлениям чувственного и духовного мира. Древняя идея об алфавитном феномене как модели универсума, которую разделял Платон, а в средние века и в новое время — Раймунд Люллий, Николай Кузанский, Джордано Бруно и Лейбниц, — идея, сыгравшая роль при формировании комбинаторных методов математики, возрождается у Хлебникова, тоже математика и последователя Лейбница. Свидетель занятий Хлебникова в Харькове пишет: «Продолжал исторические сочетания с числами. Метод — доставался энциклопедический словарь, даты великих людей, тут же всевозможные сочетания на обрывках. Но больше всего мечтал о формуле зависимости из области астрономии, формула эта должна была связать астрономические явления со словом, алфавитом».³²

Материализация, овеществление слова, его составляющих и его сочетаний, давшая трансформы ядерного образа «мир — книга», приравнивание слова и вещного мира, с одной стороны; представление о том, что владение словом есть и власть над миром, с другой стороны — приводили Симеона Полоцкого к идее об его апостольском предназначении; Хлебникова — к вере в то, что он «председатель земного шара», Маяковского — к образу тринадцатого апостола. Вообще жанр ранних стихотворений Маяковского можно определить как инвокацию, выкрик, утверждающий власть человека над миром и смертью.

* * *

Мы не будем останавливаться на подробном разборе, лишь перечислим некоторые ядерные образы, которые являются равно значимыми у Маяковского, Хлебникова и в русской средневековой литературе. Мы не смогли остановиться на такой моторной метафоре, как движение по вертикали вверх — возрождение, преображение. В средневековье она трансформирована и реализована в образах преисподней и царства небесного, в мотиве вознесения Христа. Интересны географические метафоры: запад и зима как смерть или отрицательное пространство и время вообще; восток, лето как жизнь, родина. Из метафор земледельческого цикла следует выделить такие, как пахота — любовь, которая по понятным причинам в чистом виде христианскую литературу не интересовала, но зато чрезвычайно широко распространена в фольклоре.

Кроме этих метафор, есть и многие другие. Перечислим только наиболее представительные, разобранные на древнерусском материале в известной книге В. П. Адриановой-Перетц: герой — солнце, смерть — закат солнца, судьба человека — корабль, смерть — чаша, многочисленные модификации звериных метафор.

В результате сопоставления поэзии Маяковского и Хлебникова с древнерусской письменностью мы можем утверждать, что основной набор изначальных метафорических ядер сохранился у поэтов XX в.

Как явствует из нашего анализа, у Маяковского и Хлебникова больше аналогий с фольклорным набором ядерных образов. Из книжно-христианских метафор у них представлены те, которые составляют общее

³² Велемир Хлебников. Избранные стихотворения. М., 1936, стр. 54 (цит. по вступительной статье Н. А. Степанова).